

Шивон Пилинг

Перемещения, девиантное поведение и городская идентичность: мигранты в Ленинграде в конце Второй мировой войны

Вопрос «кто вы такие?» является рефреном воспоминаний Анатолия Петрова, посвященных его впечатлениям посетителя ленинградского рынка в 1946 г. и опубликованных в 1995 г. в журнале «Нева». Проходя сквозь послевоенную толпу и наблюдая за публикой, девятилетний Петров не может отделаться от этого вопроса и слышит, как его повторяют звучащие как будто по-немецки клики птиц, пролетающих над ярко раскрашенными павильонами: «“Sind sie wer? Sind sie wer? (“Кто вы? Кто вы?”)» [Петров 1995: 220].

Этот вопрос, который, вероятно, отчасти отражает нынешние раздумья автора о постсоветской национальной и местной идентичности, подсказал мне размышления по поводу пестроты ленинградского населения, с которой столкнулся Петров сразу после девятистот блокадных дней, пережитых городом. Безуспешно пытаясь ответить на неотступный вопрос об идентичности собравшейся на рынке толпы, автор характеризует ее так:

Шивон Пилинг (Siobhan Peeling)
Университет Ноттингема,
Великобритания
ahxsp1@nottingham.ac.uk

А мы, то есть публика на ярмарке, большую часть были бедняками, безденежными и голодными. На тротуарах сидели и стояли нищие, в толпе шиняли карманники. В этой пестроте хорошо выглядели военные, особенно те, что украшены были боевыми наградами. Над головками весьма прилично одетых дам <...> что-то такое вроде бы светилось, что-то эти дамы как будто бы излучали, как, впрочем, и их спутники, видом своим напоминаящие о далеком, может быть, и не бывшем времени, — советские аристократы, денди в белых кашне, кожаных перчатках и в башмаках, начищенных до нестерпимого блеска. <...> А недавняя война постоянно напоминала о себе — нашивками за ранения на гимнастерках демобилизованных, шрамами и следами ожогов на их лицах, костылями, протезами в виде деревяшек, пустыми рукавами, аккуратно заправленными под солдатские ремни [Петров 1995: 220].

Настойчивой неопределенностью вопрошания «Кто вы?» отмечены встречи Петрова со множеством конкретных людей. Среди них седая морщинистая старуха в потрепанном пальто без правого рукава, протягивавшая руку без варежки в надежде на милостыню; красивый безногий инвалид войны, передвигавшийся с помощью тележки, певший под аккордеон и напивавшийся «вдребезги» вместе с другими инвалидами в переполненных кабаках и на улицах; серая безликая масса немецких военнопленных, которые «копошились» в ближайших развалинах, расчищая руины домов; крестьянин, бывший кулак, чья семья когда-то дралась с отцом Петрова, когда тот участвовал в кампании по раскулачиванию. Теперь, после гибели на фронте трех сыновей, этот крестьянин с «пугачевской» бородой выпивал вместе с отцом Петрова, который и сам недавно демобилизовался из штрафного батальона, где оказался после заключения во время массовых арестов конца 1930-х гг.

Для Петрова коллективная сущность его семьи, соседей и ленинградской толпы в самом широком смысле, всех этих людей, оказавшихся вместе в социальном пространстве рынка, переживалась как многообразный и дезориентирующий набор фигур. Публика включала изможденное женское лицо, символизировавшее все еще заметные следы блокады (опыт голода и выживания являлся по преимуществу женским), а также воплощения «войны, вернувшейся домой» — солдат в орденах и медалях и опустившихся инвалидов¹. Нарисованный им порт-

¹ Поскольку здоровые мужчины были мобилизованы в армию или эвакуированы вместе с заводами в тыл, а оставшиеся мужчины умерли на раннем этапе осады города, блокаду Ленинграда характеризуют как «женский опыт» [Simmons, Perlina 2002: 2]. Выжившие рассказывали о том, что из-за изнуряющего физического воздействия условий блокады молодых женщин принимали за старух

рет городской толпы — смешение хорошо одетых представителей государственной элиты и нищих в лохмотьях, бродяг и ворюшек, двусмысленных фигур бывших «классовых врагов» и жалких военнопленных, присутствие подчеркнуто деревенского и сельского в самой сердцевине города. Собранные вместе все эти многообразные составляющие ленинградской толпы провоцируют вопросы относительно социальной идентичности и траекторий, на которые автор ответ дать не может.

В настоящей статье я обращаюсь к научным решениям проблемы того, как описывать послевоенное ленинградское население; в этих работах предложен целый ряд противоречивых изображений тех, про кого можно сказать, что они являлись «ленинградцами» сразу после разрушительной 900-дневной блокады и голода. В существующих на сегодняшний день работах, как мне кажется, не затрагивалась «мигрантская» перспектива, даже тогда, когда предметом обсуждения становились приезжие. Рассматривая послеблокадную историю города как часть большого «вечного водоворота»¹ миграций и перемещений, я обращаюсь к тому, как благодаря практикам и дискурсам, посвященным приезжим и мигрантам, укоренялись конкретные городские мифы и идентичности. В частности, я продемонстрирую, как местные мифы об уникальном сообществе ленинградцев способствовали конструированию образа мигранта как потенциального нарушителя общественной гигиены и хулигана, вносящего беспорядок в культурную и героическую атмосферу города и являющегося источником антисанитарии, а также отклонения от принятых норм.

В противоположность описанию Петровым разномастного послеблокадного населения, разрушающему привычные представления о городской идентичности, авторы некоторых недавних исследований последствий блокады используют термин «ленинградцы» в качестве прямого и недвусмысленного обозначения очень четко очерченной группы блокадников, встроивших в культуру и ландшафт города [Kirschenbaum 2006; Simmons 2008]. Например, согласно Лизе Киршенбаум, обычные ленинградцы послевоенных лет — это люди, давно живущие в городе, жестко идентифицируемые с хорошо известными городскими пространствами, оставшиеся в нем во время блокады. После войны их устойчивые практики по созданию образа города вкупе с властными усилиями, нацеленными на

[Simmons, Perlina 2002: 180]. Фраза «война, вернувшаяся домой» использовалась ранее, в связи с инвалидами войны, которые принадлежали к долгосрочным последствиям Первой мировой войны [Cohen 2001].

¹ Образ «вечного водоворота» позаимствован из книги Юджина Калишера о массовых перемещениях в Европе первой половины XX в. [Kulischer 1948: 8].

приписывание определенных значений городу, сделали возможным создание местных мифов о военной поре, которые значимым образом структурировали хаос и жизненные страдания в блокадном Ленинграде. Эти мифы опирались на старый петербургский миф с его мотивами апокалипсиса, духовного очищения и триумфа цивилизации над варварством, а также формировали общую городскую культурную идентичность, продолжающую существовать и в постсоветскую эпоху [Kirschenbaum 2006: 7–16].

Более ранние работы Блэра Рабла и нескольких российских историков, однако, предлагают иную характеристику послевоенного ленинградца [Ruble 1983; 1990; Ваксер 1992; Панченко 2000]. Эти исследователи подчеркивают социальные трансформации и разрыв преемственности, произошедшие из-за того, что население города сократилось за время блокады с трех миллионов до шестисот тысяч в связи с мобилизацией, эвакуацией и голодом. Многие из жителей, признают они, так никогда и не вернулись, а город был восстановлен и заселен заново потоком приезжих, часто из сельской местности, создавших уже к осени 1945 г. «город мигрантов» [Ruble 1990: 51]. Устойчивую значимость блокады, если следовать данной версии, следует видеть в стирании связей Ленинграда с его собственным прошлым и необратимой провинциализации. Понижение в статусе (от столичного уровня до обычного провинциального центра) закреплялось по мере того, как население города Петра и Ленина быстро восполнялось «новыми жителями, для которых почти ничего не значили отцы-основатели»; это новое население угрожало забвением уникальному образу жизни города [Ruble 1983: 303–304]. По словам петербургского историка Александра Панченко, большая часть населения умерла в блокаду, «затем <...> деревня правдами и неправдами рванула в город. И <...> Питер перестал быть Питером — я имею в виду по составу жителей» [Панченко 2000: 12].

Однако существует и третий нарратив, основное внимание в котором отведено успешному возвращению жителей, эвакуированных из блокадного города. Элизабет Уайт полагает, что не только многим эвакуированным удалось вернуться в Ленинград, но что, во всяком случае, крупные потери и приток населения не являлись чем-то новым для города, который не так давно пережил Гражданскую войну и стремительную индустриализацию. Блэр Рабл и сам признает, что с момента основания население города было мобильным, меняющимся и временным. Поэтому повествование о беспрецедентных потерях среди коренных жителей города в результате блокады, не будучи, согласно Уайт, полностью не соответствующим действи-

тельности, само по себе оказывается элементом «богатой мифологии “Северной столицы” и ее культурной памяти» [White 2007: 1159].

Действительно, апокалипсис и разрушение всегда присутствовали в петербургском мифе вместе с триумфом культуры над природой и варварством. Собираатель городских легенд отмечает, в частности, что подлинные трагические утраты и разрушения блокадной поры отразились в определенных элементах городского фольклора, возникших после войны. Существовали, например, истории, в которых проявлялась постоянная тревога по поводу гибели местных художественных и архитектурных сокровищ (хотя почти все они были сохранены и быстро отреставрированы). Так, рассказывали, что один из двадцати девяти львов, которые веками поддерживали цепную ограду на берегах Невы, внезапно исчез в блокаду и был обнаружен в одной из южных советских республик [Синдаловский 2005: 422–423].

Поэтому, даже когда Ленинград изображают городом мигрантов, исторические выводы больше говорят о местных мифах, чем об опыте его мигрирующего населения. Это заставляет вспомнить утверждение философов Жиля Делеза и Феликса Гваттари о том, что «история всегда пишется с оседлой точки зрения <...> даже когда темой являются кочевники. Номадология — вот чего не хватает» [Deleuze, Guattari 1987: 25].

Для того чтобы осмыслить конфликтующие образы послевоенного города, в настоящей работе я попытаюсь обратиться к конструированию различных норм и мифов места исходя из миграционной перспективы, отсутствовавшей до настоящего времени. В центре моего внимания окажется точка, в которой пересекалось настойчивое утверждение городской идентичности с широко распространенным опытом миграции и постоянного переселения. Для решения этих задач я воспользуюсь научными исследованиями, такими как «этнография перемещений» Лисы Малкки, где предложена концептуальная матрица для понимания человеческих перемещений [Malkki 1992; 1995].

В своем антропологическом исследовании беженцев Хуту в Танзании Малкки пишет о том, что беженцы и «люди без места» воспринимаются в качестве нарушителей стабильных границ, принятых образцов и классификаций общества. Они рассматриваются как нарушители категорий и границ — как аномальные или двусмысленные элементы; поэтому государства, приписывающие моральную ценность укорененности и четкой идентичности, обращаются с ними как с вносящими беспорядок загрязнителями окружающей среды. В результате

правительственные и международные организации часто стремятся контролировать человеческие перемещения и принуждать к пространственному порядку утратившее корни население, вкупе с установлением других типов порядка, включая медицинский, санитарный и карательный режимы [Malkki 1995: 4, 112]. Я думаю, что большие массы приезжих, селившиеся в Ленинграде после войны, формировали именно такую двусмысленную, с точки зрения местных и общегосударственных властей, группу и в этом качестве подвергались патологии как потенциальные разносчики болезней и преступники. Эта патологизация мигрантов сформировала центральный элемент нарративов, утверждавших особые послеблокадные городские мифы об интегрированности.

В течение первых нескольких лет после снятия блокады к шестистам тысячам блокадников, оставшихся в Ленинграде, ежегодно прибавлялись сотни тысяч прибывших (свыше 650 тыс. официально зарегистрированных только в 1945 г.) [ЦГАСПб. Ф. 4965. Оп. 8. Д. 738. Л. 5]¹. В город прибывали поезда, набитые демобилизованными солдатами и инвалидами войны. Приезжали возвращавшиеся из эвакуации, а также крестьяне и рабочие, мобилизованные государством из близлежащих регионов для пополнения рабочей силы, и подростки, зачисленные в ленинградские фабричные училища. Кроме того, население увеличивалось за счет статистически незримых категорий, таких как «спецконтингенты» несвободных рабочих. Они состояли из заключенных, репатриированных граждан и бывших советских военнопленных, которым не было разрешено свободно селиться в бывших местах проживания, а также немецких военнопленных [Ваксер 2005: 30–33]. Неучтенными оставались и те, кто приехал в город нелегально, по собственной инициативе, вне государственной системы разрешений и прописки, путешествуя на крышах и подножках вагонов, в товарных поездах или скрываясь на спальнях местах других людей и часто завершая свое путешествие пешком [Кутузов 1988: 18].

Нередко опыт перемещений не заканчивался с прибытием в Ленинград. Значительная часть городского жилого фонда

¹ Официальные советские статистические данные, касающиеся населения, оказываются весьма ненадежными из-за неточностей в записях и политических репрессий [Kessler 2001: 495–501]. Демографическая статистика, описывающая людские потери в блокаду и количество людей, приехавших в Ленинград после войны, является особенно спорной и, по всей видимости, неточной, учитывая хаотический и разрушительный характер событий этого времени [Черепенина 2001]. Размеры настоящей статьи не позволяют глубже поговорить о методологических проблемах, связанных со статистическим учетом населения большого города, однако следует отметить, что упомянутые выше цифры, взятые из источников, содержащихся в городском государственном архиве, следует рассматривать в качестве показательных, но неточных.

была разрушена или повреждена бомбежками, довоенные деревянные дома были разобраны на дрова, а многие жители, оставшиеся в городе, особенно в южных предместьях рядом с линией фронта, были переселены в здания, оставшиеся нетронутыми [Gouge 1962: 174; Дзенискевич 1995: 56–57]. После блокады даже те, у кого раньше было жилье в Ленинграде или кто был мобилизован в город властью, обнаруживали, насколько трудно получить постоянную комнату, пригодную для жилья. Прибывшие рассказывали, как мотались по городу в поисках временного пристанища, останавливаясь в общежитиях или у знакомых. Даже предоставление комнаты не означало конец перемещений. В конце 1945 г. инвалид войны написал в «Ленинградскую правду» письмо с жалобой на «бесконечные переселения», которые пришлось пережить его семье. Каждый раз, когда они въезжали в комнату, оказывалось, что ее надо или отремонтировать или ее должны отдать кому-то другому, тому, кто встал в очередь на жилье раньше вселившихся [Ленинградская правда. 1945. 15 сент.].

Во время самого сурового периода блокады, когда население трагически сокращалось, а знаменитые памятники были или перенесены в другое место, или скрыты маскировкой, городской ландшафт переживался как опустевшее пространство. Выжившие вспоминали также, что время и пространство в городе казались тянущимися, любое движение — когда перестали ходить трамваи — почти остановившимся. Голодное, изможденное население, передвигаясь по всему городу, часто под огнем, тратило из-за физического истощения целые часы на то, чтобы пересечь улицу [Интервью с Ольгой 2006: 168–169, 176]. Конечно, некоторым людям так и не удавалось пройти до конца эти трудные городские маршруты, и они умирали, не добравшись до цели. Напротив, в послеблокадные годы восстановления города и роста населения Ленинград снова стал восприниматься как ландшафт, состоящий из заполненных толпами пространств и многообразных типов мобильности, а также провоцировавших клаустрофобию жилищ и бесконечного многовекторного движения¹.

Все это представлено в воспоминаниях В.Г. Левиной. Она описывает сцены, происходившие в комнате, где она жила вместе с мужем Владимиром и его матерью. К лету 1945 г. с фронта и из эвакуации стали возвращаться их родственники, обнаружившие, что остались без своих квартир. Левина и ее семья буквально впихнули в свою комнату еще десять человек:

¹ Антрополог Джеймс Клиффорд писал в сходном ключе о том, что человеческий опыт состоит из «сложных историй жизни в определенном месте и путешествиях» [Clifford 1997: 2].

Нас <...> было тринадцать, в том числе трое подростков. Спальных мест, естественно, не хватало. Спали на плите в кухне, на письменном столе, одна из племянниц — на низкой кушетке, задвигаемой на ночь под рояль, кто-то валетом в кровати с моей свекровью. Пожилая тетя спала на двух сдвинутых вольтеровских креслах, и утром мы вынимали ее из образовавшейся между ними пропасти. Племянница-школьница делала уроки на большом ящике для дров в передней. Так мы прожили три года и лишь в конце 1947 г. рассредоточили своих гостей по другим родным и знакомым, так как у Владимира обнаружился открытый туберкулезный процесс в легких [Левина 2007: 98].

Другие приехавшие, не имевшие собственного жилья и сговорчивых знакомых, спали в коридорах или железнодорожных депо, на парковых скамейках. Там они присоединялись к большому числу молодых бродяг, оставшихся без родителей и жилья. Временное устройство могло длиться годами. Демобилизованный солдат, стоявший в очереди на жилье еще в 1947 г., признавался, что ночевал «по подвалам, лестницам, под заборами, на скамейках в парках и садах, в туалетах» [ЦГАСПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 214. Л. 65].

На этом фоне власти пытались усилить контроль над передвижениями людей в город и внутри города. К обычным ограничениям, которые накладывала советская система внутренних паспортов и разрешений на проживание, люди, которые хотели попасть в Ленинград во время блокады и сразу после ее снятия, должны были запрашивать специальное приглашение от городских властей или приезжать в качестве официально нанятых рабочих [Карпенко 2008: 88–89]. Прибывавшие в город поезда проверялись милицией, чтобы отлавливать людей без документов. Особые милицейские рейды проводились в домах, общежитиях, на рынках и предприятиях для поимки «посторонних лиц», которые пытались приезжать нелегально [ЦГАСПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 148]. Бездомных детей и инвалидов войны хватало на городских улицах и отправляли в спец. учреждения.

Эти меры, нацеленные на то, чтобы как-то обуздать мобильность населения, были тесно связаны с мерами, введенными для того, чтобы противостоять угрозам болезней и преступлений в городе, пережившем блокаду. Размах криминала и болезней, все более и более усугублявших социальные проблемы, до сих пор является предметом дискуссионным. Послевоенный городской ландшафт, тем не менее, отмечен сбоем в функционировании инфраструктуры городской очистки, из-за чего мусор и нечистоты скапливались на улицах. Кроме того, город стал ареной публично совершаемых преступлений — от спеку-

ляции до вооруженных грабежей. Приезжее население становилось источником тревог по поводу подобных сбоев в функционировании городского общества¹.

Ежегодные отчеты Государственной санитарной инспекции Ленинграда с 1945 по 1948 гг. содержат разделы, посвященные мерам, которые должны были установить «контроль за передвижающимся населением» [ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 685. Л. 82; Д. 728. Л. 102; Д. 799. Л. 118; Д. 897. Л. 100]. Здесь сообщается о том, что инспекция следила за тем, чтобы все прибывшие подвергались принудительному осмотру и лечению на санитарных блокпостах или в поликлиниках перед тем, как они обоснуются в городе. Мигрантов проверяли на наличие педикулеза и других болезней, в особенности тифа, в обязательном порядке мыли и дезинфицировали одежду и пожитки для того, чтобы сделать мигрантов «безопасными» для местного населения [Марзеев 1945: 37].

Кроме того, чиновники требовали от городской милиции усилить паспортный режим и бороться в качестве эпидемической меры с людьми, ведущими «бродячий образ жизни». Эти меры сочетали поиск людей, живущих в городе без разрешения, с охотой на зараженных педикулезом и разносчиков других болезней. На рынках в специальных санитарных пунктах находилась милиция, которую иногда сопровождал медицинский персонал передвижных эпидемических бригад. Они должны были задерживать попрошаек, бродяг и прочих «неряшливых» или «опасных по распространению паразитарных тифов» личностей. Их посылали на санитарные блокпосты в целях обработки [ЦГАСПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 254. Л. 13, 17, 21, 57, 101].

Помимо этого власти рассматривали мигрантов в качестве потенциального источника разных форм преступности. В статьях, опубликованных в эти годы в местной прессе и написанных сотрудниками правоохранительных органов, отчетливо просматривалась связь между определенными типами мигрантов, приезжающих в город, и преступной деятельностью. Глава местного НКВД утверждал в нескольких статьях, что в целом «прибывшие немедленно включились в работу и добросовестно трудятся над восстановлением и дальнейшим развитием нашей промышленности, городского хозяйства, культуры» [Ленинградская правда. 1945. 23 окт.]. При этом он добавлял, что среди огромной массы прибывших в Ленинград «просочились»

¹ Представление о том, что мигранты всех типов представляли собой особый источник тревоги для традиционных городских классов в позднимперской России, уже обсуждалось Джеймсом ван Гелдерном [von Geldern 1996: 368].

некоторые «неустойчивые» элементы и преступники [Там же]. (Эти приезжие определялись как люди, которые «всячески отлынивают от общественно-полезного труда, они составляют питательную среду для хулиганства и других преступлений» [Ленинградская правда. 1946. 27 июля].) Он заявлял, что милиция будет систематически очищать город от темных личностей, живущих без паспортов и разрешений, официально неработающих, а также воров, хулиганов, паразитов и прочих, «которым нет места в Ленинграде» [Ленинградская правда. 1945. 23 окт.].

Пассажиры поездов, прибывавших в город, регулярно проверяли и «фильтровали» милиция и железнодорожная охрана, искавшие преступников. В милицеских отчетах зарегистрирован высокий процент арестов людей, именованных «лицами без определенных занятий и места жительства» [ЦГАСПБ. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 214].

Эти дискурсы и практики отчасти являлись продолжением довоенных советских мер. В 1930-е гг., например, местная милиция использовала паспортную систему для создания карантинной системы, защищавшей города от широкой категории нежелательных маргиналов, именованных «социально вредными элементами», считавшимися причиной преступлений и беспорядка [Hagenloh 1999: 287]. Кроме того, они были связаны с появлением лагерей беженцев, множившихся по всей Европе после войны. Подобные практики были предназначены для того, чтобы сдерживать миграцию и прикреплять перемещенных лиц к определенному месту (отчасти в качестве мер против беспорядка, преступлений и болезней).

К тому же эти меры обладали и отчетливым местным измерением, являясь элементом конструирования городскими властями и некоторыми жителями норм и мифов о героическом, культурном и цивилизованном сообществе ленинградцев, преодолевших последствия войны и блокады. Приезжее население, в особенности те, кто никогда не жил в городе, фигурировало в этих построениях как потенциальный источник обновления этого сообщества и одновременно как потенциальный поллютант («загрязняющее вещество») особой городской среды и местной идентичности.

В статьях, посвященных усилиям преодолеть преступность в городе, в качестве противовеса преступным проявлениям, социальному беспорядку и хулиганству, источником которых подавались «распущенные» приезжие, выдвигалась уникальная культурная идентичность Ленинграда, продемонстрированная и укрепшая во время блокады. В этих публичных заяв-

лениях утверждалось, что Ленинград всегда был городом высокой культуры и дисциплины; утверждалось также, что эти особые качества города ярко проявились в ситуации блокады, когда, несмотря ни на что, «в Ленинграде царил образцовый порядок» [Ленинградская правда. 1945. 10 янв.]. Поэтому в Ленинграде случаи хулиганства и недисциплинированности расценивались как особенно нетерпимые.

В других публикациях послевоенной ленинградской прессы указывалось, что приезжие должны заслужить право на место в сообществе подлинных ленинградцев. Они должны овладеть навыками чистоты, опрятности и культуры поведения в городской среде¹. Мобилизация голодающего населения блокадного города на массовую весеннюю кампанию по уборке города, происходившая в 1942 г., быстро стала одной из ключевых тем в мифологическом нарративе о блокаде. Уборка дворов, улиц и площадей изможденным населением под обстрелом врага, продемонстрировавшая любовь к родному городу, раз за разом повторялась в официальных и неофициальных рассказах о нестигаемости цивилизованных ленинградцев перед лицом варварства [Ленинградская правда. 1944. 31 марта; Kirschenbaum 2006].

После войны в Ленинграде, как и в других городах, власти продолжали принуждать растущее население к участию в массовых субботниках и воскресниках, несмотря на неэффективность этих мер в борьбе с накопившимися за длительное время в общественных местах грязью, мусором и нечистотами [Filtzer 2006: 92]. Пресса описывала прививку навыков чистоты и дисциплинированности приезжим, которым было разрешено обосноваться в городе, в качестве необходимой меры для их встраивания в послеблокадное сообщество ленинградцев. В условиях устойчиво антисанитарного состояния городской среды в местных газетах высказывалось беспокойство в связи с тем, что грязный город — признак того, что местные навыки чистоты и культуры недостаточно культивируются среди приезжих.

Приведем один пример. В сентябре 1947 г. «Ленинградская правда» опубликовала письмо в редакцию от местного жителя, в котором была высказана тревога по поводу отсутствия чистоты и порядка на городских улицах. Автор письма И. Пикин писал с возмущением:

¹ Например, в «Ленинградской правде» с 3 по 17 июля 1946 г. была опубликована целая серия писем, посвященных грязи, неопрятности и некультурному внешнему виду, с которыми сталкивались люди, передвигаясь по городу. В этих письмах часто заходит разговор о типе поведения, приличествующем тем, кто считает себя ленинградцем.

Ленинград всегда славился не только красотой своей архитектуры, но и образцовым порядком, высокой дисциплинированностью. В этом отношении ленинградцы могли служить примером для жителей многих других городов.

После войны состав населения Ленинграда значительно обновился. Многие из вновь прибывших не успели еще приобрести навыков, которые требуются от жителей большого города, не воспитали в себе чувство дисциплинированности. Они нарушают правила уличного движения, бросают на тротуар окурки, клочки бумаги, обертку от эскимо <...> А ведь брошенная бумажка на улице — это признак некультурности и неуважения к городу, в котором живешь [Ленинградская правда. 1947. 5 сент.].

Повседневные столкновения с кучами мусора в послевоенной городской среде сочетаются с фактом массовой смены населения и мифологизированной ленинградской идентичностью в нарративе, в котором приехавшие ассоциируются с разрушением пространственного, нормативного и санитарного порядка.

В заключение отмечу, что мигранты являлись амбивалентными фигурами в послеблокадном Ленинграде. Их представляли в официальной прессе и как необходимую меру для пополнения трудовых резервов и воспроизводства городских традиций и ценностей, и как угрозу для порядка и идентичности. Сами по себе они оказывались едва ли не центральной составляющей утверждения и демонстрации не только того, кто являлся ленинградцем, но и какой тип поведения присущ «городу-герою» и «семье ленинградцев», возникшей в результате блокады. Подобные речи часто оформлялись на языке чистоты, опрятности, грязи и преступности, причем именно приезжие часто оказывались в центре кампаний по борьбе с девиантным поведением и антисанитарией, которые считались явлениями, чуждыми культурному Ленинграду.

Таким образом, «миграционная перспектива» позволяет понять взаимоотношения между образами послевоенного Ленинграда как «города приезжих» и одновременно «героического блокадного города», не прибегая к тривиальным парафразам местных городских мифов.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ЦГАСПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Библиография

- Ваксер А.З.* «Чудо» возрождения, или история без чудес // Нева. 1992. № 11–12. С. 321–345.
- Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005.
- Дзенискевич А.Р.* (отв. ред.). Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войне, 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995.
- Интервью с Ольгой // М.В. Лоскутова (отв. ред.). Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / СПб.: Новое издательство, 2006. С. 165–186.
- Карпенко И.* Социальная поддержка реэвакуантов (Ленинградский опыт 1940-х годов) // Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов (ред.). Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 83–95.
- Кутузов В.* «Верните в Ленинград» // Диалог. 1988. Май. № 13. С. 14–18.
- Левина В.Г.* Я помню... Заметки ленинградки. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Марзеев А.Н.* Санитарно-эпидемиологическое обслуживание движущихся масс // Гигиена и санитария. 1945. № 6. С. 37–40.
- Панченко А.* Когда Петербург был Ленинградом. «Другая история» // Аргументы и факты — Петербург / Записала Ильмира Степанова. 2000. Май. № 18. С. 12.
- Петров А.* Вер зинд зи? Вер?... // Нева. 1995. № 5. С. 220–223.
- Синдаловский Н.А.* Санкт-Петербург. История в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 2005.
- Черепенина Н.Ю.* Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // А.Р. Дзенискевич (отв. ред.). Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде: историко-медицинский аспект. СПб.: Петрополис, 2001. С. 7–16.
- Clifford J.* Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997.
- Cohen D.* The War Come Home. Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / Translation and foreword by B. Massumi. L.; N.Y.: Continuum, 1987.
- Filtzer D.* Standard of Living versus Quality of Life. Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-war Reconstruction // J. Furst (ed.). Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention. L.; N.Y.: Routledge, 2006. P. 81–102.
- von Geldern J.* Life In-Between: Migration and Popular Culture in Late Imperial Russia // Russian Review. July 1996. Vol. 55. P. 365–83.
- Goure L.* The Siege of Leningrad. Stanford: Stanford University Press, 1962.

- Hagenloh P.M.* "Socially Harmful Elements" and the Great Terror // S. Fitzpatrick (ed.). *Stalinism: New Directions*. Florence, Kentucky: Routledge, 1999. P. 286–308.
- Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du monde Russe*. 2001. Vol. 42. No. 2–4. P. 477–503.
- Kirschenbaum L.A.* *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, Memories and Monuments*. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
- Kulischer E.M.* *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947*. N.Y.: Columbia University Press, 1948.
- Malkki L.* National Geographic: The Rooting of Peoples and the Territorialization of National Identity among Scholars and Refugees // *Cultural Anthropology*. February 1992. Vol. 7. No. 1. Space, Identity and the Politics of Difference. P. 24–44.
- Malkki L.* *Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Ruble B.A.* The Leningrad Affair and the Provincialization of Leningrad // *Russian Review*. July 1983. Vol. 42. No. 3. P. 301–320.
- Ruble B.A.* *Leningrad: Shaping a Soviet City*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990.
- Simmons C., Perlina N.* *Writing the Siege of Leningrad: Women's Diaries, Memoirs and Documentary Prose*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.
- Simmons C.* Leningrad Culture Under Siege (1941–1944) // H. Goscilo, S.M. Norris (eds.). *Preserving Petersburg: History, Memory, Nostalgia*. Bloomington: Indiana University Press, 2008. P. 164–181.
- White E.* After the War was over: The Civilian Return to Leningrad // *Europe-Asia Studies*. November 2007. Vol. 59. No. 7. P. 1145–1161.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума